

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 6

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2017

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

“НАУКА”

СОДЕРЖАНИЕ

А.А. Гусейнов – Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М.М. Бахтина). Статья первая: Быть – значит поступать	5
К 75-летию воссоздания философского факультета в структуре МГУ им. М.В. Ломоносова	
В.В. Миронов, Д.В.Г. Миронова – Мультикультурализм: толерантность или признание?	16
А.П. Беседин, Д.Б. Волков, А.В. Кузнецов, А.В. Мерцалов, М.А. Секацкая – Несостоятельность аргументов манипуляции и исчезающего агента для проблемы свободы воли и моральной ответственности	29
В.В. Васильев – Московские адреса Витгенштейна	39
А.А. Кротов – Методология современных историко-философских исследований во Франции.....	52

Философия и общество

Л.А. Тутов, А.Е. Шаститко – Опыт предметной идентификации новой институциональной экономической теории.....	63
М.Ю. Загирняк – Два понятия общества в философии Н.Н. Алексеева.....	74

Из истории отечественной философской мысли

В.М. Дианова, Я.Г. Сочиньский – Жизнь и мировоззрение Мариана Здзеховского	82
Т. Оболевич, А.С. Цыганков – Франк о русском марксизме	92
Semen Frank – Lebendiges Abendland: Ursprung und Wesen des russischen Marxismus Публикация Т. Оболевич и А.С. Цыганкова.....	96
С.Л. Франк – Живая Европа: Происхождение и сущность русского марксизма. Перевод с немецкого А.С. Цыганкова	99
А.А. Гапоненков – Религиозная философия Вл.С. Соловьева в рецепции С.Л. Франка	105
С.Л. Франк – (Три беседы о Владимире Соловьеве).....	109
Г.В. Лобастов – Слово и сознание: в пространстве культурно-исторической психологии (к 120-летию Л.С. Выготского)	122

История философии

Н.Н. Трубникова – Кому и в чём наследует буддийский монах	133
Догэн – Грамота о преемстве. Перевод со старояпонского и примечания М.В. Бабковой	145
М.С. Коляда – Ходзё Сигэтоки и его наставления потомкам.....	155
Ходзё Сигэтоки – Наставления господина Гокуракудзи. Перевод со старояпонского и примечания М.С. Коляды.....	164
Г.В. Вдовина – Хабитус: элемент когнитивной структуры в философской психологии постсредневековой схоластики	183
Д.А. Лунгина – Предисловие к публикации	194
Дж. Стюарт – Как Керкегор читал оригинальные произведения Гегеля. Часть II	195

Критика и библиография

Е.В. Бессчетнова – В.К. Кантор. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского.....	209
Д.А. Аникин – О книге В.К. Кантора	213
Т.А. Акиндинова, Е.Н. Устюгова – Творчество и субъективность. Коллективная монография: Труды Научно-образовательного центра «Философия современности и стратегии гуманитарной экспертизы»	216
А.С. Саттар – Frederick C BEISER. Weltschmerz: pessimism in German philosophy, 1860–1900. Фредерик Ч. БАЙЗЕР. Мировая скорбь: пессимизм в немецкой философии, 1860–1900	220
Contents.....	223

В.К. КАНТОР. “Срубленное древо жизни”. Судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с. (Серия “Российские Пропилеи”)

Одним из заметных событий прошедшего 2016 г. в жизни академического сообщества стала публикация известным писателем, историком русской мысли, профессором Высшей школы экономики В. К. Кантором книги, которую сам автор называет апологией Н. Г. Чернышевского. Это совершенно новый взгляд, реабилитация, возрождение Чернышевского не только как мыслителя, но и как личности. Естественно, что многие будут с этим интеллектуальным, я бы сказала, переворотом, не согласны, слишком устойчива советская легенда о философе как непосредственном предшественнике большевизма. Но надо сказать, что к написанию книги, судя по предшествующим публикациям, автор шел долго. Начиная с середины семидесятых его статьи о Чернышевском публиковались почти ежегодно, и стоит подчеркнуть, что в “Вопросах философии” он напечатал не менее десяти статей об этом русском мыслителе.

Я полагаю, что работа Кантора будет прежде всего интересна молодому поколению, родившемуся в иной, не советской реальности. Дело в том, что автор дает непредвзятый анализ идей Чернышевского, завоевавших умы молодежи второй половины XIX в., когда в России начали зарождаться основы капиталистического общества, начал формироваться новый тип деятельных людей. Процесс отчасти схожий с тем, что происходит в последние десятилетия, поэтому исследование Кантора, думаю, поможет сегодняшним молодым людям уже в нужном контексте открыть для себя Чернышевского.

С первого взгляда книга представляет собой биографию просто “замечательного человека”, документальную работу с использованием редких архивных материалов: мемуаров, писем и даже личных фотографий, но на самом деле это философское исследование, своего рода интеллектуальный роман, где идеи героя связаны с событиями его жизни. Более того, это текст не просто о земном пути Николая Чернышевского, а роман о России. И в этом нет ничего удивительного, ведь пафосом всей книги является тезис о том, что главной мечтой Чернышевского прежде всего было благоустройство России.

Говоря о происхождении Чернышевского, автор книги рассуждает о том, кто создавал

золотой фонд русской культуры, а также где (имеется в виду место) и как формировалось мировоззрение её основных представителей. Первая глава книги “Месторазвитие, или Евразийский центр России” начинается с рассуждений о великой русской реке Волге, говоря словами В. Розанова, русском Ниле, как о колыбели великорусского духа. Кантор пишет: “На Волге в самом деле сливаются Великороссия, славянщина с обширным мусульманско-монгольским миром, который здесь начинается, уходя средоточиями своими в далекую Азию... Это настоящее евразийское пространство. Волга рождала не только разбойников и протестантов типа семейства Ульяновых, Свердлова, Горького, Керенского, но и людей, создававших русскую литературу и культуру: Державин, Карамзин, Мельников-Печерский, Гончаров, Добролюбов, великий художник Борис Кустодиев, из Саратова были Николай Чернышевский, философ Георгий Федотов, губернатором Саратова был несколько лет великий реформатор П. А. Столыпин” (с. 10–11). В. К. Кантор справедливо отмечает, что преодолеть евразийское начало возможно было, только встав на путь просвещения, носителями которого после петровской реформы прежде всего стали “дворяне, обосновавшиеся в столицах” (с. 15). Но в таком контексте вся остальная Россия оставалась без единого шанса на рациональное развитие, но Кантор делает одно важное замечание, что истинным источником просвещения прежде всего было христианство – “европейская религия, резко отделившая Россию от степной – языческой и мусульманской – Азии” (Там же). До Петра священнослужители не имели должного образования, но с указом преобразователя ситуация изменилась и обучение в школах стало обязательным условием для принятия сана. Кантор пишет, что “в конце XVIII столетия – первой трети XIX столетия священники оценили свое семинарское обучение, которое выводило их из низшего сословия <...> Духовное сословие постепенно оказалось вторым эшелонном русского просветительства” (с. 16). Из него вышли и Сперанский, и лицейский профессор Куницын, Ключевский, С. М. Соловьев и другие вплоть до Варлама Шаламова.

Чернышевский, будучи сыном священника, закончив семинарию, знал десять иностранных языков, разумеется, обязательные в семинарии древнегреческий и латынь (на которой шло преподавание богословия в старших классах, на которой он долго переписывался с отцом), но и восточные — татарский, арабский, персидский. Он читал европейских философов в оригинале, переводил и комментировал их работы. В книге приводится список его ученических сочинений, идеи которых бесспорно уже в тот период свидетельствуют о его взглядах, близких идеалам Просвещения. При этом Кантор очень точно показал, что образованность Чернышевского, его убежденность в силе разума никоим образом не противопоставлялась его религиозности. Христианское миропонимание определило образ жизни мыслителя. Кантор вопрекор устоявшимся взглядам строит образ мыслителя — христианского реформатора и просветителя. В обыденном сознании герой книги долгие годы представлялся как один из основных идеологов русской революции, человек, книга которого «перепахала» В. И. Ленина. Такое восприятие Чернышевского оказалось чрезвычайно устойчивым. Даже представители академического и интеллектуального сообщества, то есть люди, которые читали не только в рамках школьной программы роман «Что делать?», но и другие работы Чернышевского, по крайней мере, его магистерскую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности» и статью «Антропологический принцип в философии», пренебрежительно говорят о нем как о мыслителе второго порядка. Миф о Чернышевском пережил самого героя почти на полтора века.

О мыслителе и его идеях существуют лишь мнения, родившиеся через бесконечные интерпретации и пересказы в нужном ключе для властвующей на тот момент элиты. При жизни Чернышевский был признан революционером и государственным преступником, подрывающим многовековые устои российского самодержавия, в советский период мыслитель стал новым святым, в честь него называли улицы, ставили памятники, тратились немалые средства на поддержание его музея и т.д. Парадоксально, что имя Чернышевского знал каждый школьник, его работы постоянно издавали и переиздавали, защищали по ним диссертации, но все это было движение вокруг и около Чернышевского, создающее своего рода метаслой над его оригинальными текстами. Сложилась ситуация, при которой идеи мыслителя казались настолько непонятными и запутанными, что первоисточники уже никто и не читал, у интеллектуалов выработался стойкий иммунитет против Чернышевского. Строго говоря, не очень-то хотели знать о том, каким он был как человек, что его действительно волновало, о чем он мечтал, к чему стремился, о чем в действительности писал.

В. К. Кантор идет вопреки мэйнстриму, блестяще преодолевая установку «незнания Чернышевского». Он, следуя правилу Бэкона очиститься от идолов (в данном случае, от идолов площади и театра), обращается непосредственно к текстам Чернышевского: к его статьям, романам, мемуарам, переписке, личным фотографиям и работает с ними так, чтобы увидеть в них самого мыслителя, а не подтверждение господствующей идеологии, гипотез или простых слухов. Кантор демифологизирует и очищает от паутины мнений образ одного из крупнейших мыслителей России, читая и видя оригинальный текст.

Главную свою задачу автор формулирует следующим образом: «я должен попытаться преодолеть фантомность этой фигуры» (с. 7). Первым делом он показывает культурный контекст становления личности Чернышевского и справедливо утверждает, что его окружали отнюдь не радикалы и нигилисты. В действительности, Чернышевский, как уже было отмечено, закончил семинарию, где был одним из блестящих учеников, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, первую свою работу «Словарь к Ипатьевской летописи» написал под руководством великого филолога И. И. Срезневского, защитил магистерскую диссертацию под руководством знаменитого либерала профессора А. В. Никитенко, работал в «Отечественных записках», «Современнике», который вел крупнейший русский поэт Николай Некрасов, полемизировал с Герценом, Огаревым, Катковым, Тургеневым. Его двоюродным братом был академик А. Н. Пыпин, близко общавшийся с Вл. Соловьёвым, который писал о трагическом пути Чернышевского, его нравственной позиции, напоминавшей позицию святого, и высоко оценил его диссертацию в своей статье «Первый шаг к положительной эстетике». Кстати, эту оценку столетие спустя поддержал А. Ф. Лосев. Отдельно хотелось бы отметить, что историк С. М. Соловьёв — убежденный государственный и человек далекий от идей реалистов-радикалов шестидесятых годов — был чрезвычайно возмущен арестом и ссылкой Чернышевского и открыто говорил об этом с другими людьми. Н. А. Бердяев писал о Чернышевском, что такие люди, как он, являются «нравственным капиталом» России. Но, наверное, самые точные слова о Чернышевском принадлежат В. В. Розанову: «Конечно, *не использовать* такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства — было преступлением, граничащим со злодеянием. <...> В одной этой действительно замечательной биографии мы подошли к Древу Жизни: но — взяли и срубили его. Срубили, «чтобы ободрать на лапти» Обломовым» (с. 5).

Именно благодаря данной цитате и появилось название книги Кантора «Срубленное древо жизни» — это не только отсылка к главному

тезису магистерской работы Чернышевского “Прекрасное есть жизнь”, но и основной контекст идей мыслителя. Он видел жизнь во всем — и в огромном космосе и даже в маленьких букашках. И здесь нельзя не согласиться с автором книги, что это позиция не атеиста, а глубоко верующего христианина. Жизнь в христианстве является высшей ценностью. А принявший христианскую систему ценностей тем самым “перешел от смерти в жизнь”. Повсюду жизнь — вот основной пафос Чернышевского. При этом наивысшую ценность составляет жизнь человека, которую Чернышевский, и автор книги это неоднократно подчеркивает, определял как постоянное духовное усилие во времени, чтобы оставаться живым. Ведь всегда как внутри человека, так и вне него будут присутствовать некие мертвые отходы, от которых необходимо избавляться деятельным усилием воли. Земной путь Чернышевского, безусловно, пример этого, он подобно Христу, через казнь и свое “распятие”, доказал высшую ценность человеческой жизни, заключающуюся в совместной работе ума и сердца. Кантор отмечает, что эта позиция схожа с тезисом Достоевского — искать человека в человеке. Не случайно эпиграфом к книге поставлена фраза Чернышевского, что “прогресс — это стремление к возведению человека в человеческий сан”.

Автор видит Чернышевского и Достоевского на одном равновеликом месте в истории русской культуры. На разных примерах в книге отмечается близость взглядов мыслителей, в то время как большинство исследовательских работ написаны с целью развести их. Кроме того, в книге показано, как сама судьба постоянно сближала мыслителей. Вывод можно сделать следующий: несмотря на внешне неблизкие отношения, два гения на каком-то почти подсознательном уровне испытывали глубочайшее уважение друг к другу. Пересечение Чернышевского с Достоевским еще в первый счастливый и деятельный период жизни первого было своего рода увертюрой, ведь ему также суждено было стать идеологическим преступником, увидеть дно человеческого существования и “мертвый дом”, но только гораздо в более жесткой и беспощадной форме.

Возвращаясь к теме диссертации Чернышевского, стоит отметить, что Кантор, затрагивая тему ее написания и защиты, говорит не только о звучащей в ней евангельской теме, но и о её социально-культурном контексте. Во-первых, он раскрывает истинный замысел Чернышевского, заключающийся отнюдь не в истреблении эстетической теории, а в том, что “не только эстетика и её проблемы волновали Чернышевского в диссертации, через проблемы искусства он хотел судить об обществе, решать социальные и культурно-строительные проблемы, а не только эстетические” (с. 165).

Диссертация же в свою очередь предвосхищала последующие знаковые работы

Чернышевского, в частности, роман “Что делать?”, на интерпретации которого Кантором стоит остановиться отдельно.

Чернышевский писал свое первое большое литературное произведение уже после ареста. Мифов вокруг романа сложилось не меньше, чем вокруг самого автора. Его называли и катехизисом революционера, и евангелием нигилистов. П. А. Кропоткин писал, что роман “Что делать?” стал откровением для молодежи того времени, превратился в программу, сделался знаменем. Но какую программу на самом деле дал Чернышевский в своем романе, действительно ли это был призыв к подполью и революции? Автор книги, подробно описывая различные мнения о романе, полностью опровергает представление о нем как о литературной агитации к свержению существующего строя. Это произведение о любви и труде в христианском понимании — вот вывод автора.

В действительности, если не искать в тексте призывов к революционному действию, не вчитывать их туда, то в нем можно увидеть только идеи, говорящие о необходимости изменения взгляда отдельного человека на себя, призыва полюбить себя и ближних и начать вести деятельную жизнь, тогда и окружающий мир изменится. Цитируя Лескова и архимандрита Бухарева, автор книги резюмирует, что новые люди у Чернышевского — это не нигилисты-постепеновцы, а люди деятельных перемен, которые, развивая себя, преобразуют окружающий мир. Они появляются, когда начинает дуть еще слабый ветер свободы, когда появляется платформа для развития. Познание и собственное дело становятся для них основой жизни, а любовь к себе, к окружающим людям, осознание того, что прекрасное есть жизнь, широта дерзаний и смелость поступков — главными качествами новых людей. Это был призыв к буржуазному предпринимательству, а не бомбометанию (см. с. 345). Кроме того, если провести аналогии с современным нам капиталистическим обществом, то нетрудно сделать вывод, что мастерские Веры Павловны — это start up с инновационным принципом распределения прибыли.

В. К. Кантор приходит к выводу, что Чернышевский призывал не к уничтожению существующих основ христианской жизни, а постарался дать им новую трактовку сообразно духу времени и потребности нового человека. Поразительно, как далеко вперед смотрел мыслитель, ведь сегодня мы вновь пытаемся сделать ставку на “новых людей”, self-made men, которые развивают себя сами, тем самым преобразуют мир вокруг.

Абсолютно необходимо остановиться на идее “разумного эгоизма”, которая до сих пор является поводом для упреков Чернышевскому. Кантор находит неожиданное, но весьма сильно возражение на эти упреки: “Говоря об идее разумного эгоизма, не забудем при этом, что

Чернышевский был, если можно так сказать, пропитан евангельскими смыслами и потому можно рядом поставить два понятия: разумный эгоизм и золотое правило христианской этики. И почему бы не обратиться к первоисточнику — к святой книге. Ведь идея эта родилась еще в Ветхом завете: “Люби ближнего твоего, как самого себя” (Лев 19:18). И уже стало обязательным принципом в Новом завете: “Возлюби ближнего твоего, как самого себя” (Мф 22:39). Иными словами, чтобы возлюбить ближнего как самого себя, нужно для начала любить самого себя. Если ненавидишь себя, то и ближнего будешь ненавидеть. Вот вам и объяснение разумного эгоизма” (с. 234–235).

И это совершенно иной взгляд на Чернышевского как новатора, реформатора и мыслителя, очень тонко чувствующего направление движения современного ему общества и убежденного, что Бог устроил мир так, что в нем, безусловно, возможно построить правильные отношения. Получается, что заповеди даны человеку для строительства своей жизни, как земной, так и небесной. Ведь моральные принципы и правила в Откровении являются единственно возможными для строительства правильных отношений в обществе и даны прежде всего для человека. Подобная мысль, как отмечает Кантор, характерна и для эстетических взглядов Чернышевского: не человек живет для искусства и науки, а искусства и науки для того, чтобы развивать человека и делать его лучше.

Отдельно стоит остановиться на теме отношения к женщине в романе. Хотя главная героиня для Чернышевского обычная женщина, она не дантовская Беатриче и не соловьевская София, она скорее земная, чем небесная, но именно с ней беседует Богиня, которая является символом Вечной женственности в романе. Вечная женственность — это романтический идеальный женский образ спасительницы. Но поразительно, как в судьбе Чернышевского все перевернуто. Кантор проводит параллель с историей любви мыслителя к его супруге Ольге Соколатовне, говоря, что в реальной семейной жизни Чернышевского получилось наоборот, жертву принес он, но при этом сохранил невероятное уважение и особое отношение к женщине.

Итак, Кантор в своей книге показывает, что для своего времени Чернышевский был особенным человеком, для которого любовь и вера были фундаментальны. Напомню, что особенным человеком в романе “Что делать?” Чернышевский называет Рахметова, которого в исследовательской литературе рассматривают как носителя революционных идей. Автор книги справедливо отмечает, что еще архимандрит Бухарев писал о Рахметове как о христианском

подвижнике и носителе христианских идеалов, и добавляет, что достаточно с другого ракурса посмотреть на роль этого героя в романе, чтобы понять, какие идеи он репрезентирует. Именно Рахметову Лопухов поручает передать Вере Павловне прощальное письмо. Вспомним, какие аргументы он использует, чтобы убедить героиню не бросать мастерскую. Кантор пишет: “Он думает о ближних, это его дело, никакой революции. Например, Рахметов упрекает Веру Павловну, что она решила оставить мастерские, и возводит ее дело по организации мастерских на уровень абсолютно богоугодного дела” (с. 342). Рахметов — это тоже “новый человек”, но только на уровень выше. Он “необыкновенный человек” и отличается от других героев, так же как апостолы отличались от других последователей Христа, он “соль соли земли”. Рахметов очень близок по восприятию мира самому Чернышевскому.

Читая книгу В. К. Кантора, невозможно не посмотреть по-новому на личность Чернышевского и не прийти к выводу, что он был одним из тех редчайших людей, на которых, как говорят, держится мир. Важно отметить, что Кантор отнюдь не идеализирует своего героя и не пишет о нем как о святом. Автор показывает, что Чернышевский проходит через собственные искушения: искушение осознания собственной исключительности, искушение быть спасителем человечества (Чернышевский в молодости даже был воодушевлен созданием вечного двигателя), искушение женщиной, искушение “медными трубами”, но он справляется с этим и как истинно верующий человек, подобно Христу, со смирением принимает свой крест.

Главная заслуга В. К. Кантора заключается в том, что он не просто ставит Чернышевского в один ряд с ярчайшими представителями русской религиозной мысли — с Ф. М. Достоевским и Вл. С. Соловьёвым, но и открывает несправедливо забытого Чернышевского как одну из ярчайших индивидуальностей русской культуры. Кроме того, мы будем надеяться, что исследование Кантора станет толчком не только к переосмыслению наследия Чернышевского, но и к возрождению основных идей мыслителя.

Е. В. Бессчетнова

Бессчетнова Елена Валерьевна — кандидат философских наук, преподаватель Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”.

Besschetnova Elena V. — CSc in Philosophy, lecturer of National Research University “Higher school of economics” (HSE University Moscow).

ebesschetnova@hse.ru

CONTENTS

Abdusalam A. Guseynov – The Philosophy of the Act as the First Philosophy (An Interpretation of Bakhtin’s Moral Philosophy) First Article: To Be Means To Act...	5
---	---

To the 75th Anniversary of Reestablishment of Faculty of Philosophy in Lomonosov Moscow State University

Vladimir V. Mironov, Dagmar W.H. Mironowa – Multiculturalism: Tolerance or Acceptation?	16
Artem P. Besedin, Dmitry B. Volkov, Anton V. Kuznetsov, Andrey V. Mertsalov, Maria A. Sekatskaya – Failure of the Manipulation Arguments and Disappearing Agent to the Problem of Free Will and Moral Responsibility	29
Vadim V. Vasilyev – Wittgenstein in Moscow: The Places He Visited.....	39
Artem A. Krotov – The Methodology of Modern Researches in the History of Philosophy in France	52

Philosophy and Society

Leonid A. Tutov, Andrei Ye. Shastitko – The Experience of the Subject Identification of New Institutional Economics.....	63
Mikhail Yu. Zagirnyak – The Two Concepts of Society in Philosophy of Nikolay Alekseev	74

History of Russian Philosophy

Valentina M. Dianova, Yan G. Skoczynski – Marian Zdziechowski’s Life and the Worldview	82
Teresa Obolevitch, Alexander Tsygankov – Frank on Russian Marxism.....	92
Semen Frank – Lebendiges Abendland: Ursprung und Wesen des russischen Marxismus. German Text Publicized by Teresa Obolevitch and Alexander Tsygankov.....	96
Semen Frank – Living Europe: the Source and essence of Russian Marxism. Translated into Russian by Alexander Tsygankov.....	99
Alexey Gaponenkov – Vl.S. Solovyov’s Religious Philosophy in the Reception of S.L. Frank.....	105
Semen Frank – <Talks about Vladimir Solovyov>.....	109
Gennady V. Lobastov – Word and Consciousness in Space of Cultural and Historical Psychology (to the 120-year L.S. Vygotsky Jubilee).....	122

History of Philosophy

Nadezhda N. Trubnikova – Buddhist Monk as Heir: What a Heritage, Whose Testation ...	133
Dōgen – Shishō, Translated into Russian by Maya V. Babkova	145
Maria S. Kolyada – Hojo Shigetoki and His Precepts for the Descendants	155
Hojo Shigetoki – Gokurakuji-dono Goshōsoku Translated into Russian by Maria S. Kolyada	164
Galina V. Vdovina – Habitus: an Element of the Cognitive Structure in the Philosophical Psychology of the Post-Medieval Scholasticism.....	183
Darya A. Loungina – Introduction	194
Jon Stewart – Hegel: Kierkegaard Reading and Use of Hegel’s Primary Texts. Part 2.....	195

Book Reviews

Elena V. Besschetnova – Kantor V.K. Nikolay Chernyshevsky’s Destiny. Cutted Tree of Life	209
Daniil A. Anikin – About Kantor’s Book	213
Tatiana A. Akindinova, Elena N. Ustiugova – Creativity and Subjectiveness. Multi-authored Monograph.....	216
Alexander S. Sattar – Frederick C. Beiser. Weltschmerz: pessimism in German philosophy, 1860–1900	220

Сдано в набор 07.03.2017 г. Подписано к печати 16.05.2017. Дата выхода в свет 26.06.2017.
Формат 70 × 100¹/₁₆ Офсетная печать Усл. печ.л. 18.2 Усл.кр.-отт. 13.8 тыс. Уч.-изд.л. 21.9
Бум.л. 7.0 Тираж 750 экз. Зак. 370 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997 Москва, Профсоюзная, 90
Телефон 8 (495) 276-70-35 (доб. 3361)
Оригинал-макет подготовлен ФГУП «Издательство «Наука»
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 6